

- ¹¹ Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4(55). С. 52.
- ¹² Комлева Н., Саймонс Г., Стровский Д. Идеологическая мощь геополитического актора : сущность, структура, российская практика // Власть. 2011. № 12. С. 125.
- ¹³ Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 8.
- ¹⁴ Мишанова Е. В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3. С. 78.
- ¹⁵ Аль-Дайни М. А. Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. С. 12.
- ¹⁶ Там же.

УДК 94(47)

РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуется эмигрантский опыт осмысления европейской политической культуры, ее влияния на российскую историю. Анализируется эволюция воззрений выходцев из России под воздействием политических процессов 20–30-х гг. XX в. Обоснована значимость политической практики в контексте сегодняшних европейских и мировых событий.

Ключевые слова: эмиграция, Запад, Россия, политика, демократия, либерализм, фашизм.

**Russia and West: Interaction Problems in Perception
of the Russian Emigration of the First Wave**

V. A. Mitrokhin

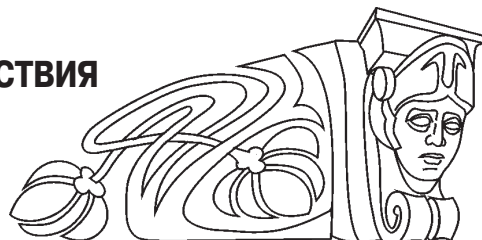
In article emigrant experience of European political culture judgment, its influence on the Russian history is investigated. Evolution of Russia natives views as a result of political processes of the 20–30th years of the XX century is analyzed. The importance of political practice in a context of today's European and world events is proved.

Key words: emigration, West, Russia, policy, democracy, liberalism, fascism.

Первые годы пребывания в эмиграции качественным образом повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Рассеянные по разным, преимущественно европейским, странам россияне не только решали насущные экономические и бытовые проблемы, связанные с адаптацией в новых условиях, но и обретали уникальный политический опыт, который рассчитывали применить в посткоммунистической России.

По мнению некоторых представителей диаспоры, само существование русского зарубежья в конечном итоге стало своеобразной «лабораторией», «крахом максимализмов» и начертанием будущего Отечества¹.

Не последнюю роль в формировании общественной позиции эмигрантов играла жесто-

чая идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе, и напрямую связанная с ней политическая практика. Повышенный интерес в русской среде вызывала западная демократическая система, функционирование ее институтов. Подробно исследовался вопрос взаимодействия русского и западного общественных укладов.

В главных своих чертах развернувшаяся дискуссия стала продолжением спора, начатого в девятнадцатом столетии западниками и славянофилами, о путях развития российской государственности. Как и прежде, линией водораздела являлось отношение к ценностям западного мира.

Значительное число выходцев из России было убеждено, что именно безоглядное подражание Западу, механический перенос европейских политических институтов и атрибутики на русскую национальную почву и стали первопричиной противоречий, породивших революцию. Именно здесь сокрыто «самое главное зло», «порок сердца, привитый России Петром». Данная точка зрения утвердилась в качестве краеугольного элемента исторической концепции евразийцев. В одном из первых сборников «На путях. Утверждение евразийцев» ее аргументированно представил Г. Флоровский. Автор считал, что завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа. Разделение просвещенного слоя и народа как двух культурно-бытовых, внутренне замкнутых и взаимно-ограниченных сфер «есть основной парадокс русской жизни, порожденный именно петровской реформой»². В этой связи события 1917 г. в России виделись автору как революция, русская по происхождению, смыслу и объективному содержанию. Свершившийся «суд истории» явил собой естественное завершение бездушного, глубинно не национального петербургского этапа русской истории.

Принципиальным противником подобного подхода являлся П. Н. Милюков. Поддержка

прозападной ориентации Российского государства, некогда избранной Петром Великим, пронизывала всю многогранную деятельность лидера конституционных демократов. Позиция находила свое отражение на страницах редактируемых Милюковым «Последних новостей», в многочисленных книгах и статьях, в публичных выступлениях. В концентрированной форме точка зрения историка представлена в статье «Петр Великий и его реформа», опубликованной в десятом номере эмигрантского сборника «На чужой стороне». В ней П. Н. Милюков проводил всесторонний и детальный анализ петровских преобразований, отвергая адресованное царю обвинение в разрыве некогда единого социокультурного пространства. Разрыв на «верхи» и «низы» с сопутствовавшей каждому слою культурной средой начался, по мнению автора, с XVI в. Статья завершалась патетичным призывом «преклониться перед Петром» и «поблагодарить его от имени многих поколений русской интеллигенции за то, что своей деятельностью он освободил нас от доказательств, что Россия – не Азия»³.

В интеллектуальных кругах эмиграции рассмотрение П. Н. Милюковым русской истории через призму европейской государственности вызывало неоднозначную реакцию. Полемику с ним вели П. Б. Струве, З. Н. Гиппиус, Н. В. Устрялов, Д. С. Пасманик и др. Петр Савицкий, один из ведущих лидеров евразийства, в статье «Проблемы русской истории» критически оценивал милюковское видение истории. По его мнению, П. Н. Милюков тенденциозен и стремился доказать безусловную «отсталость русского исторического процесса»⁴. Свое видение петровской эпохи Н. В. Устрялов отстаивал в переписке с евразийцами. В одном из писем П. П. Сувчинскому он писал о своем несогласии с евразийской трактовкой петровских реформ при полном признании созидательной и творческой деятельности евразийского сообщества⁵.

Радикально прозападной позиции придерживался другой русский эмигрант, автор нашумевшей книги «Две России» – А. А. Салтыков. По его версии, вся история русского государства была сплошным призыванием варягов: «Мы всегда спасались иноземным и иноземцами»⁶. Именно это обеспечивало относительную государственную стабильность и единение народов. В соответствии с этим теоретическим посылом оценивалась деятельность Петра и его последователей: «Петр был вторым Рюриком России, он снова оваряжил ее»⁷. По мнению автора, отличительной чертой политической истории последних веков являлось противоборство двух начал, по-разному творивших судьбу России. С одной стороны, это была сила этнической хаотической бездны, представляемая разрушительной и анархической российской общественностью, с другой – «сила европейско-христианского твор-

ческого устройства», выразителем которого был самодержавный режим.

Значимость внешних факторов в обеспечении государственного порядка и общественного единения обусловлена не только разрушительными особенностями «старомосковской» национальной элиты. Внутренняя противоречивость интересов отдельных частей огромной страны, по убеждению Салтыкова, не оставляет надежд на достижение национального согласия. Резко критическое восприятие национальной элиты выливалось на страницах книги в обвинение как «западников», так и «славянофилов» во врожденном анархизме и антигосударственности. Тем не менее львиная доля ответственности за поворот от Запада на Восток, к «темному этнизму» возложена на славянофилов и их сторонников.

А. А. Салтыков не был одинок в оценке Запада как плодотворной жизнеутверждающей силы, орошавшей своим влиянием страны и народы. В изданном в 1934 г. труде В. Станкевича «Динамика мировой истории» рассматривались различные аспекты воздействия западной цивилизации на мировое развитие. Анализируя достижения человечества в области правовой и политической организации общества, автор пришел к выводу, что большинство из них явились плодами развития западных народов. Особо отмечалась выдающаяся роль англосакских стран: «Нет ни одного нового начала права – будем ли мы говорить о президентской власти, об ограниченной власти короля, о представительных учреждениях, о разделении власти... которое не сложилось бы в этих странах»⁸. Таким образом, именно англосакские народы, по убеждению В. Станкевича, распространявшие свое влияние на другие страны (включая Россию), создали своеобразный правовой и моральный синтез «заветов Израиля и Эллады».

Исследуя динамику исторического процесса, автор пришел к убеждению, что именно западная система политической организации общества (на примере Англии) показала наибольшую жизнеспособность в условиях Первой мировой войны. В. Станкевич решительно выступал в качестве апологета политической системы, построенной на принципах западных либеральных ценностей. Демократический строй, по его убеждениям, в наибольшей степени соответствует заветным человеческим идеалам.

Исследование эмигрантской литературы и периодики позволяет нам утверждать, что подобное восприятие западного мира и его влияния на цивилизацию не являлось доминирующим. События Первой мировой войны, а также реакция западных стран на последовавшие затем революцию и Гражданскую войну послужили решающим основанием для пересмотра взглядов многих представителей первой волны эмиграции. Традиционная влюбленность российской элиты в Европу сменилась разочарованием, а

зачастую жестким неприятием общественно-го уклада и западных политических ценностей. Реальностью послевоенной европейской дипломатии стала постепенная смена политических ориентиров в отношении бывшей Российской империи, заигрывание с большевистской властью, а в конечном итоге юридическое признание ее. Все происходившее, в сочетании с ущемлением элементарных прав переселенцев в новых местах расселения, воспринималось в эмигрантских кругах не иначе как предательство союзников.

Общее разочарование в холодном и расчетливом Западе нашло отражение в книге С. Л. Франка «Крушение кумиров»: «Взаимная ненависть, озлобление, страх перед врагом, беспощадная эксплуатация слабых есть нормальное состояние европейской международной жизни, и то же обнаружилось в своекорыстном и лицемерном отношении бывших союзников к русскому несчастью»⁹. Автору книги, как, впрочем, и его соратникам, открылись новые, неведомые раньше черты духовного мира «цивилизованной» Европы, среди которых «душевная грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности»¹⁰.

Мотивы глубокого разочарования в действиях европейских государств, их реакции на события в России четко прослеживаются при прочтении книг и статей Д. С. Мережковского. Так, он писал: «Мы уже давно не ждем от Европы жалости... самые гордые из европейских народов продают им (большевикам. – В. М.) Честь свою за ничто»¹¹. Дмитрий Мережковский, рассматривавший события в России в апокалиптически-религиозных тонах, утверждал, что попытки «устроиться на самом краю провала» будут иметь для европейских народов далеко идущие последствия.

Еще большее возмущение вызывало у эмигрантов стремление западных политиков решить проблемы своих государств, воспользовавшись несчастьем России. А. В. Бобрищев-Пушкин в сборнике «Смена веков» прямо указал на колониальный подход Англии к России, своему бывшему союзнику по Антанте. Реализуя свои национально-эгоистические устремления на обширном пространстве от Архангельска до Туркестана, англичане, по мнению автора статьи, занимались откровенным грабежом, стремясь вывезти максимальное количество материальных ценностей из России¹².

Солидарную с А. В. Бобрищевым-Пушкиным позицию в отношении «союзнничества» Англии занимал другой эмигрантский автор – сторонник монархизма Н. Е. Муров. Анализируя выступление в парламенте в 1919 г. военного министра У. Черчилля, Муров убедительно доказывал, что поддержка Англией военной кампании в России была обусловлена, в первую очередь, необходимостью реализации британских стра-

тегических задач и замыслов: недопущения захвата немцами ресурсов, продолжения блокады Германии и т.д. Достаточно характерна в этой связи цитата из речи У. Черчилля: «Они (русские. – В. М.) образовали армии по нашему наущению и без сомнения в значительной степени на наши деньги. Такая помощь являлась для нас целесообразной военной политикой»¹³.

С большим скепсисом Муров оценивал результаты морального прогресса народов Европы, считавших себя цветом цивилизации и с пренебрежением смотревших на народы, неспособные, по их пониманию, к такой цивилизации. Ненависть, милитаризм, разжигание худших страстей явились некоторыми из признаков болезни, охватившей современную культуру. Сама мировая война стала итогом формирования «направляющего идеала». По мнению Мурова, обеспечив контроль над общественным мнением, сравнительно небольшая группа людей, по сути, «реквизировала мозг» европейского обывателя. В итоге стала возможна и оправдана смерть миллионов людей.

Вполне определенные задачи в ходе рукотворно организованной смуты ставились в отношении России. Планировалось «расшатать и расчленить Государство русского народа, довести его до финансового банкротства и тем установить в будущем задолженность и полную зависимость России от иностранного капитала»¹⁴. В конечном итоге в планы Запада входило обеспечение контроля над естественными богатствами, производительными силами и рождаемостью в государстве. Революция в России, ставшая одним из итогов мировой войны, по мнению русского эмигранта, была «тайно подготовлена и руководима западноевропейской и американской финансовой аристократией»¹⁵. Импульсивная, направляемая Западом интеллигенция являлась в данном случае материалом для реализации далеко идущих планов.

Аналогичное видение мировой войны и последовавших за ней событий характерно для Н. С. Трубецкого. В статье «Русская проблема» он писал: «Война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, лязгающего зубами». По мнению русского князя, война Запада с Россией будет продолжаться «пока ее не поделят и не отдадут одному из романо-германских зверей». В этом для «реальных европейских политиков» и состоит сущность русской проблемы¹⁶. При всей разнице политических воззрений Н. С. Трубецкого и Н. Е. Мурова, они были едины в критике очередных попыток перестроить Россию на западный манер: «...война и последовавшие за ней события показали, что русскому народу у нравственно обанкротившейся западноевропейской безжалостной и антирелигиозной цивилизации учиться нечему»¹⁷.

События 1930-х гг. анализировались в эмигрантской среде не только с точки зрения возможных последствий территориальной экспансии Германии. Бурное развитие немецкого государства, «триумфальное» шествие фашизма по Европе многими воспринимались через призму эффективности функционирования политических механизмов и являлись предметом аргументации в многолетнем споре о приоритетах тех или иных политических ценностей.

С новой силой в начале 1930-х гг. развернулась критика либерально-демократической модели государственности. В немалой степени разочарование, вылившееся на страницы эмигрантских изданий, можно объяснить недостаточной привлекательностью традиционной системы демократических ценностей на фоне развернувшейся в Европе политической борьбы. Категоричное неприятие либерального политического уклада характерно для книги С. В. Дмитриевского «Сталин». Существеннейшей чертой этого уклада автор считал резкое несоответствие интересов политической элиты и народа. Грядущий политический миропорядок будет созидаться, по его мнению, «не в пропитанных ложью и предательством кулуарах парламентов, не в канцеляриях продажных соглашательских партий и не в затхлых редакциях «демократической прессы», а «там, где народ». С точки зрения С. В. Дмитриевского, «мещанская демократия» обречена самой историей. Предстоящие испытания вынудят монополистический капитал перестроить несоответствующую запросам времени структуру власти: «Все публичные дома политики сегодняшнего дня, вероятно, будут разогнаны и закрыты»¹⁸. В связи с неизбежным приближением грозных испытаний автор призвал принять революцию («она принесла с собой много жизненно ценного – и этого не выкинешь») и влиться в число борцов за национальную империю, построенную на принципах свободного союза народов России.

«Кризис демократии» как политической реальности 1930-х гг. исследовался в научных и публицистических статьях Н. В. Устрялова. Часть из них была объединена в сборник «Наше время», изданный в Шанхае в 1934 г. В статье «Пути Синтеза (к познанию нашей эпохи)» известный ученый пришел к выводу о неизбежности масштабного противостояния двух доминировавших в общественном сознании политических сил: большевизма и фашизма. И та, и другая «явно стремятся стать наследниками отмирающей буржуазной демократии»¹⁹. Сама демократия, оказавшаяся в ходе конкурентной политической борьбы на периферии общественных интересов, являла собой, по мнению исследователя, «оскорбление природы, знак упадка и расслабленности». Именно авторитарные, а не демократические тенденции должны будут формировать всю архитектуру европейского полити-

ческого пространства накануне грозных испытаний. На этом фоне, по мнению Н. В. Устрялова, видоизменялись смысл и содержание категорий, являвшихся краеугольными в рамках формально-демократического общественного устройства. В статье «О революционном тягле» автор характеризовал трансформацию, произошедшую в общественном сознании в отношении понятия «свобода»: «Народы большого стиля в судные часы своего бытия никогда не боялись и всегда дерзали, «становясь на горло собственной свободе», сознавать себя «рабами» заданной им великой идеи»²⁰.

Существенную эволюцию под влиянием радикальных общественных изменений претерпели взгляды профессора Е. В. Спекторского. На протяжении 1920-х гг. ученый неоднократно выступал на страницах эмигрантской печати с защитой европейских культурных и политических ценностей. Однако в вышедшей в середине 1930-х гг. брошюре «Либерализм» Е. В. Спекторский вынужден был признать ошибочность многих постулатов европейского либерализма, его непривлекательность перед лицом набравшего силу фашизма: «Пафос личной свободы бледнеет перед пафосом дисциплины. Религия либерализма отстает перед религией национализма»²¹. Ошибка либерализма, по мнению ученого, состояла в том, что сложный вопрос об отношениях между личностью, обществом и государством слишком упрощался и односторонне решался только в пользу личности: «Это неправильно и принципиально и фактически». Абсолютизация принципов либерализма имеет неизбежным следствием «индивидуальное и социальное попустительство», пренебрежение нравственными нормами и государственными императивами. Либерализм «к добру и злу постыдно равнодушен» и порождает общества холодные и бездушные. Вместе с тем, по мнению профессора Спекторского, «зло свободы» следовало оценивать не само по себе, а в сравнении со злом принуждения и особенно насилия: «Мудрость требует не искоренения свободы, а ее уравновешения другими началами»²². По его убеждению, анархия, к которой неизбежно ведет крайняя свобода, также невыносима, как и рабство, к которому ведет крайнее подчинение.

Обретение власти фашистами с использованием всего «инструментария» демократической государственности заставило российских эмигрантов по-новому взглянуть на проблему эффективности демократических институтов. Доминирующим мотивом в характеристике происходившего являлось признание факта «кризиса демократии». Такая оценка в среде российской политической элиты разделялась как сторонниками, так и противниками либерально-демократических убеждений. Вместе с тем анализ европейских политических сдвигов осуществлялся через призму устоявшихся общественных сте-

реотипов. Представители разных идейных течений эмиграции, оперируя конкретикой европейской политической борьбы, стремились найти подтверждение правоты собственной позиции и доказать ошибочность взглядов оппонентов. Многополярность политических оценок – отличительная черта эмигрантского толкования эволюции немецкой государственности и связанно с ней краха демократических институтов.

Безусловным подтверждением правоты собственной позиции явились события в Германии для И. А. Ильина. По его мнению, крушение демократической государственности – процесс неизбежный и естественный. В статье «Кризис демократии», опубликованной в «Возрождении» в 1933 г., Ильин писал: «Путь от демократической демагогии к тирании и крушению государства знали уже Фукидид и Аристотель; и сколько раз с тех пор человеческая история проделывала этот политический вихрь»²³. По мнению признанного авторитета русского зарубежья, рассечение всенародного тела на враждебно-противостоящие друг другу части и обязательства служить исключительно целям одной из них «есть дело ложное и гибельное»²⁴.

Наиболее ярко подобные настроения прослеживаются в публикациях Е. Д. Кусковой, постоянного автора «Последних новостей». «Загадка» Европы, которая безропотно «идет под крыло диктаторов и насильников», исследуется в статье «О насилии и молчании». Сам факт появления новых тиранов не вызывал у автора особого удивления («они всегда были»). Гораздо больше поражала Кускову реакция европейской публики на злодеяния фашистов: «Не было раньше этого тоталитарного молчания и покрытия своим согласием чудовищных правонарушений правителей»²⁵.

Исследование западного менталитета было продолжено в статье «О захолустном патриотизме». На этот раз в центре внимания оказалась реакция западного сообщества на российскую эмиграцию и перспективы политического развития. Основной чертой европейских политиков Кускова называла практицизм. Данное качество, с ее точки зрения, в решающей степени определяло характер их действий в отношении эмигрантов («никто из иностранцев давно уже не обращает внимания на вопли русских “патриотов” – “не объединяйтесь со Сталиным!”»). Е. Д. Кускова придерживалась убеждения, что «очень реальные политики» на Западе способны на самые неожиданные перемены политической «ориентации» в интересах своих стран. Кускова допускала возможность резкой смены политических предпочтений главой германского государства²⁶. Дальнейшее развитие событий подтвердило полную правоту сделанного прогноза. Вопрос, заданный автором статьи «О захолустном патриотизме» в 1938 г. («Что тогда будут делать русские “патриоты”?»), уже через год встал перед

сторонниками «фашистского давления на коммунизм».

Крайнее разочарование в связи с пассивно-созерцательной позицией европейского политического бомонда нашло отражение в статье Е. Д. Кусковой «Где Европа?». Поводом для публикации послужили политические события, приведшие к окончательной ликвидации Чехословакии весной 1939 г.: «Много невероятного случилось за последнее время в Европе. Но то, что произошло вчера, показывает, что этим неправдоподобным событиям нет предела»²⁷.

Не оправдавшие себя внешнеполитические надежды демократов, да и само развитие политического процесса в предвоенной Европе, серьезно подорвали престиж либеральной западной идеологии в эмигрантских кругах и качественно сказались на формировании идейных позиций молодого поколения.

Опыт исследования европейской политики, обретенный русской эмиграцией в межвоенное время, сохраняет свою актуальность в нынешних условиях. Ряд «ментальных» характеристик европейцев, удививших некогда выходцев из России, с поразительной устойчивостью воспроизводятся в последние десятилетия. И несмотря на то что несколько изменился социально-политический ландшафт, суть осталась прежней.

Европа вновь демонстрирует готовность следовать в фарватере политики «большого брата». Его место после крушения «тысячелетнего рейха» заняли Соединенные Штаты Америки. Удивлявшая русских «покорность» европейских народов в полной мере проявилась в период балканских событий 1990-х гг. После крушения относительно устойчивого биполярного устройства мира «большой брат» устроил кровавую бойню в центре Европы. Судьбу расчлененной Чехословакии на этот раз повторила Югославия. Вопрос, когда-то сформулированный в 1930-е гг. русскими эмигрантами («Где Европа?») под влиянием неправдоподобных и аморальных событий вновь остался без ответа.

На наших глазах реализуется очередной геополитический «проект» – украинский. По уже накатанной схеме активизированы противоречия внутри страны, отобилизована и приведена к власти оппозиция «тоталитарного режима», вновь польхают города и села, льется кровь. Острие смоделированной агрессии вновь направлено на восток, в сторону России. Где правозащитники? Куда подевались «сакральные» ценности европейской политической культуры? Что произошло со свободой слова и общественным мнением? Очевидная несправедливость происходящих событий в рамках обустройства «нового мирового порядка» ставит на повестку дня множество вопросов.

На фронтах развернувшейся информационной войны нет-нет да и возникает вопрос о политической позиции европейского истеблиш-

мента. «Какой она будет?» – спрашивают журналисты, политические аналитики и простые граждане, пассивно созерцая очередную схватку на «великой шахматной доске». Ответ на этот вопрос дали наши соотечественники, не по своей воле ставшие свидетелями и участниками европейской и мировой трагедии в середине прошлого столетия.

Примечания

- 1 См.: *Кочаровский К. Р.* Зарубежье и отечество. Белград, 1937. С. 13.
- 2 *Флоровский Г.* О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев : сб. Кн. 2. М. ; Берлин, 1922. С. 270.
- 3 На чужой стороне : Историко-литературный сборник. №. 10. Берлин ; Прага, 1925. С. 28.
- 4 ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 4.
- 5 Там же. Ед. хр. 312. Л. 26.
- 6 *Салтыков А. А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен, 1922. С. 30
- 7 Там же. С. 20.
- 8 *Станкевич В.* Динамика мировой истории. Париж ; Берлин, 1934. С. 219.
- 9 *Франк С. Л.* Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 3.
- 10 Там же. С. 50.
- 11 *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг, 1922. С. 22.
- 12 См.: Смена вех : сб. ст. Прага, 1921. С. 114.
- 13 *Муров Н. Е.* Плоды народовластия. Париж, 1923. С. 218. Свокорыстность позиции Англии, по мнению части эмигрантов, в полной мере нашла отражение в

деятельности посла союзнической державы в России сэра Дж. Бьюкенена. В ряде зарубежных изданий (см., например: *Волин А.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин, 1921. С. 167 и др.) указывалось на существенный вклад главы британской миссии в подготовку свержения монархии. Данная точка зрения была представлена на страницах эмигрантской монархической печати. Журнал «Двуглавый орел» 1 июля 1921 г. писал: «Великобританский посол сэра Бьюкенен, верный традициям английской дипломатии, навеки вписал свое имя в летопись истории яркими штрихами подлости и предательства». Факт распространенности мнения о причастности к подготовке революции признавал и сам Дж. Бьюкенен. В своих мемуарах он отмечал: «Многие еще сейчас верят, что я был главным двигателем революции, который привел ее в движение и пустил в ход <...> это обвинение тяготеет надо мной, и я никак не могу от него избавиться» (*Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата : в 2 т. Берлин, 1924. Т. II. С. 68–70).

- 14 *Муров Н. Е.* Указ соч. С. 46.
- 15 Там же. С. 45.
- 16 На путях. Утверждение евразийцев. С. 296–297.
- 17 *Муров Н. Е.* Указ соч. С. 48.
- 18 *Дмитриевский С. В.* Сталин. Берлин, 1931. С. 16.
- 19 *Устрялов Н. В.* Наше время. Шанхай, 1934. С. 64.
- 20 Там же. С. 56.
- 21 *Спекторский Е. В.* Либерализм. Люблина, 1935. С. 10.
- 22 Там же. С. 13.
- 23 Возрождение. 1933. № 2841 от 13 марта. С. 13.
- 24 Там же.
- 25 Последние новости. 1938. № 6188 от 5 марта.
- 26 Там же. 1938. № 6355 от 20 авг.
- 27 Там же. 1939. № 6562 от 16 марта.

УДК 324, 342.8

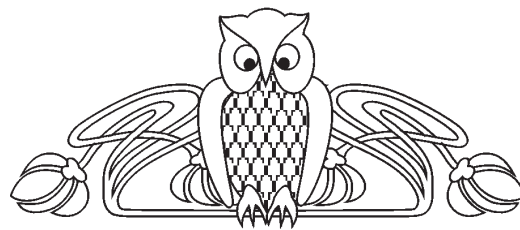
ВОЗВРАТ К ПРЯМЫМ ВЫБОРАМ ГУБЕРНАТОРОВ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ

В. Г. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenovavg@mail.ru

Статья посвящена политико-правовому анализу проблемы формирования института высшего должностного лица региона в современной России. Реализация нового федерального закона, предусматривающего возврат к прямым выборам губернаторов либо их назначение региональным законодательным собранием, актуализировала научную дискуссию в политологическом сообществе, направленную на обсуждение целесообразности принятия такого закона, его эффективности и возможных последствий.

Ключевые слова: выборы, губернаторы, демократия, политическая конкуренция, регион.

Return to Direct Elections of Governors: New Technology of Guided Democracy

V. G. Semenova

Article is devoted to the political and legal analysis of the problem of establishing the institution of higher official of the region in modern Russia. Implementation of the new federal law that provides a return to direct elections of governors, or their purpose regional legislature, actualized scientific debate in political science community to discuss the desirability of such a law, its effectiveness and possible consequences.

Key words: elections, governors, democracy, political competition, region.